

Октябрьская революция как глобальный проект

Владимир Павленко,
кандидат политических наук

90 лет Октябрьской революции – слишком серьезная дата, чтобы обходить ее молчанием или сводить обсуждение связанных с ней проблем к заученным штампам, будь то пресловутый “Краткий курс истории ВКП(б)”, бесплодные теоретические потуги “прорабов” застоя и перестройки или последующие изыскания адептов “прав человека”, “политической демократии” и “общечеловеческих ценностей”.

Времени, прошедшего с распада СССР, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы поискать волнующие нас ответы, абстрагируясь от захлестывающих эмоций. Много воды утекло и за десятилетие, истекшее с предыдущего юбилея.

Сквозь призму эпохи В.В.Путина, давшей нам пусть не вполне четкие, но все же различимые очертания будущего миропорядка и возможного места в нем России, проявляется смысл Октября как “момента истины”, не только поставившего, но и решившего – в жестком столкновении исторических интересов и сил – вопрос ее самоопределения.

Идеологический лимитроф

Рассмотрение всемирно-исторического процесса через призму концепции глобальных проектов, введенной в современную политическую науку российскими учеными М.Л.Хазинным, С.И.Гавриленковым, а также основным рецензентом их работ проф. М.В.Коллонтаем, позволяет выявить ряд важных закономерностей, прежде всего, их цивилизационную принадлежность.

Каждый из глобальных проектов формулируется и выдвигается определенной цивилизацией, исходя из присущей ей и только ей системы ценностей (проектной идеи), которая, преобразу-

ясь в систему смыслов, составляет менталитет, а также мировоззренческую и поведенческую норму. В соответствии с идеей и нормой как идеальной базой глобального проекта формируется материальная база – система разделения труда с входящими в нее валютной, финансовой и торговой системами. Распространение глобального проекта осуществляется за счет внутренней и внешней экспансии, первая из которых связана с консолидацией общества вокруг проектной идеи, а вторая – с распространением идеальной и материальной базы проекта на соседние цивилизации и в глобальном масштабе¹.

При этом авторы концепции глобальных проектов, на мой взгляд, ошибаются в оценке идеи как чего-то неизменного (меняется, по их мнению, только норма).

Опыт секуляризации, затронувшей оба христианских проекта – западный и восточный, показывает, что видоизменяться под воздействием чрезмерных нормативных модификаций может и идея. В результате этого корректируется не только сам проект, но и его цивилизационный генезис, доминирование в котором от духовно-культурных факторов переходит к технологическим, а в самой духовной культуре религия замещается идеологией.

Нетрудно заметить, что именно эти характеристики отличается современное западное лидерство, а также попытки увековечить его в проекте “Новый мировой порядок”.

Проектный подход представляет всемирно-исторический процесс многовековой конкуренции различных глобальных проектов, завершение которой означает пресловутый “конец истории”. Ф.Фукуяма верно это уловил, но явно поторопился объявить Запад победителем, признав, пусть и с опозданием, свое заблуждение отказом в доверии Дж.Бушу-младшему, которого, по сути, обвинил в предательстве глобальной проектной задачи в пользу местечкового национализма “одноэтажной” Америки².

Каждый новый мировой лидер, каждая историческая эпоха и форма государственности является продуктом проектной трансформации, связанной с преобразованием отжившего глобального проекта. Если таковая не носит преемственного характера, мы вправе говорить о переходе глобального проекта в латентную форму или об его завершении (проект гитлеровской Германии или наполеоновской Франции). Когда же новый проект как бы выра-

стает из прежнего, а, тем более, если это происходит хотя бы два, а, тем более, несколько раз подряд на протяжении длительного исторического времени, необходимо говорить о проектных трансформациях, сумма которых составляет “магистральную” проектную преемственность. Не вдаваясь в детали, составляющие основное содержание готовящейся к выходу авторской монографии, отметим, что наиболее продолжительные “магистральные” преемственности, включающие, на наш взгляд, по четыре проектных трансформации, сформированы Западом и Россией.

“Магистральной” является преемственность и коммунистического проекта, отличающегося рядом специфических черт, главная из которых – привязка не к конкретной, а к любой цивилизации и совмещение с ней. Дело в том, что условием развития глобального проекта является формирование “опорной” государственности. Так, на Западе “магистральная” преемственность, в целом, формируется ее переходом от католицизма к протестантизму и тесно связанному с ним масонству, от континентальной Европы к островным и, в целом, “морским” державам – Великобритании, а затем США.

Российская преемственность имеет, условно говоря, два с половиной источника: наряду с совмещением византийской цивилизационной (православной) проектной задачи с татаро-монгольской геополитической задачей консолидации евразийского пространства, Московская Русь и Российская империя наследуют Киевской Руси как первому центру русского восточного христианства.

“Половинка” Киеву как источнику отводится по той причине, что византийская наследственность Москвы проявляет себя не только через Киевскую Русь, но и напрямую – через концеп-

цию “Третьего Рима”, подкрепленную династическим браком “собирателя” русских земель Ивана III с Софьей Палеолог – племянницей последнего византийского императора Константина X. (Сакральный аспект властной преемственности – и это единственное, в чем можно согласиться с Дэном Брауном, как минимум, не менее важен, чем формальный легитимизм современного конституционализма).

Иначе говоря, западная преемственность обусловлена “опорностью” англосаксонского мира, по признанию А.Дж.Тойнби, – двуединого. Российс-

кая преемственность имеет более конкретную цивилизационную и геополитическую привязку к евразийскому “Хартленду”. Граница между ними – подвижные межцивилизационные пространства – “лимитрофы”: географические “санитарные кордоны” и идеологические транснациональные и трансцивилизационные теории. Коммунизм и есть именно такой идеологический “лимитроф”, сформированный Западом для подрыва Востока, прежде всего, России, но обернутый, и не без успеха, как признает тот же Тойнби, против самого Запада³.

Марксистская теория государства

Западный коммунизм, происхождение которого, по признанию Ф.Энгельса, тесно связано с масонством (“общинами и ложами, распространившимися от Лондона до Швейцарии”⁴), а еще точнее – с включенной в масонство в 1782 г. во время конгресса в Вильгельмсбадене леворадикальной, революционной доктриной тайного ордена иллюминатов, на деле не столь однозначен. Поддерживаясь еще при Р.Пальмерстоне британскими спецслужбами в качестве инструмента дезинтеграции европейских империй, он быстро обнаруживает самостоятельность, решая выйти из западного проекта, сформировав для этого собственную “опорную” государственность.

Пока этот процесс контролировался Лондоном К.Марксу никто не мешал. Но как только последним ставятся крайне неудобные для англичан вопросы – о колониальной политике как средстве классового примирения и формирования “рабочей аристократии”, а также о поддержке ирландского “сепаратизма” против Великобритании, о чем свидетельствует упоминаемый Ф.Мерингом секретный циркуляр Генерального совета I Интернационала

(от 1 января 1870 г.), терпение Вестминстера лопается. Против Маркса бросается сначала “раскольник” М.А.Бакунин с идеей “тайной организации, растворенной в глубинах народа”, а затем, “втемную”, – Парижская коммуна, большинство членов которой, по заключению французского историка П.Шевалье, являлись “масонами социалистической направленности”⁵.

Не поддержать Коммуну Маркс не мог, а ее поражение стоило ему завершения истории I Интернационала. В результате коммунизм начинает отпочковываться от своих прародителей из британской разведки, превращаясь в самостоятельный глобальный проект, продолжающий, после неудач с Ирландией и Францией, настойчивые поиски собственной “опорной” государственности. Именно таким путем, по-видимому, происходит трансформация идей, высказанных в “Манифесте коммунистической партии”, в самостоятельную марксистскую теорию государства.

Во-первых, отмечается, что, отрицание государства, которое первоначально рассматривается Марксом через призму теории “непрерывной рево-

люции”, исходящей из равномерности развития капитализма, – постепенный процесс, первой фазой которого выступает его превращение из “органа, стоящего над обществом”, в орган, “всецело ему подчиненный”.

Во-вторых, подчеркивается, что решение этой задачи в ходе социалистической революции достигается с помощью диктатуры пролетариата. С формированием империализма, эти выводы корректируются В.И. Лениным уже в контексте неравномерности развития ведущих стран и победы социалистической революции первоначально в нескольких или в одной из них⁶.

Формирование марксизмом собственной теории государства, означающее подведение теоретической основы под план создания “опорной” государственности, вызывает его раскол, связанный с выделением из коммунистического проекта социалистического (социал-демократического), который теоретиками и практиками революционного марксизма характеризуется как оппортунистический. Коммунизм сохраняет проектность, но при этом начинает поиск “опорной” государственности за пределами “оппортунистической” Западной Европы.

С точки зрения проектного подхода, именно с этим связано размежевание В.И. Ленина с Л.Д. Троцким. В отличие от большевизма, который с 1915–1916 гг., несмотря на сохранение приверженности идее “мировой революции”, все активнее ставит задачи,

обусловленные нормативной адаптацией коммунизма к России (победа революции в одной стране), “центризм” Троцкого и Л. Мартова, наряду с меньшевиками и эсерами, стремится к ее включению через революцию в западную “магистральную” преемственность. Данный вывод подтверждается обновлением теории “непрерывной революции” Маркса сразу с двух сторон – как ленинской теорией империализма, так и троцкистской – “перманентной революции”⁷.

В противовес коммунизму К. Каутский, Э. Бернштейн, Г. Кунов и другие социалистические и социал-демократические лидеры с разных позиций подвергают самостоятельную марксистскую теорию государства критике как ошибочную, не учитывающую происходящей, по их мнению, трансформации капитализма из классово антагонистического в классово солидарное общество (то есть, проектную трансформацию капитализма в империализм).

“Опорная” государственность, с этой точки зрения, коммунистическому проекту не нужна из-за возможности реализации его идеи в рамках уже существующих “опорных” государств Запада. Таким образом, эволюция социалистического (социал-демократического) проекта осуществляется за счет его возвращения в капитализм (империализм)⁷.

Тем самым в рамках империалистического глобального проекта происхо-

* Некоторые источники, правда, утверждают, что “перманентная революция” на самом деле – изобретение отнюдь не российских революционных умов, а британских спецслужб, разработанное для взаимного сталкивания мусульман и христиан на Ближнем и Среднем Востоке, переданная Троцкому через его “куратора” по линии международных банковских кругов А.Л. Парвуса. (*Ленин В.И.* Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // Полн. Собр. Соч., Т. 19. С. 358–376; *Троцкий Л.Д.* Резолюция общего собрания Венского партийного социал-демократического клуба (26 ноября 1910 г.) // Цит. по: *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 20. С. 55–56, 59; Непролетарские партии России. Урок истории / Под. ред. *Минц И.И.* М.: Мысль, 1984. С. 191, 204).

дит формирование левого крыла “широкого” либерального спектра, заложенного в основу двухпартийных систем.

Либерализм в нем трактуется как “доминирующий тип политической культуры Запада, воплощенный в структурных характеристиках и принципах функционирования политических институтов, а также в основных идейно-политических течениях – от консерватизма до социал-демократизма”.

А.Гизе, великий мастер Великой ложи Австрии (1985–1996 гг.), говорит о “широком” спектре как о масонской методологии, обеспечивающей партнерство в условиях политической конкуренции через членство в одних и тех ложах. (Получается, что двухпартийные системы Запада это нечто вроде борьбы нанайских мальчиков, исход которой решается “под ковром”, на котором они борются).

Официальное оформление базирующегося на нем общественного консенсуса, составляющего основу упоминаемой Г.Киссинджером концепции “лояльной оппозиции”, осуществляется “на ковре” – II Интернационалом, а “под ним” – Фабианским обществом, а также европейскими Международным социалистическим бюро и Международным бюро масонских связей⁸.

Таким образом имеется четкое отделение коммунизма как самостоятельного глобального проекта, альтернативного западной “магистральной” проектной преемственности, сформировавшего собственную теорию государства и занятого поиском “опорной” страны, от социализма (социал-демократизма), обменивающего проектность на возвращение в либеральный (империалистический) проект и занятие в нем определенных позиций.

Перегруппировка марксистских партий, секций и групп, обусловленная

Первой мировой войной, приводит к их перекрестному объединению, в том числе к формированию Циммервальдской конференции (1915 г.) объединения революционных партий, оппозиционного европейским социалистам, и его исполнительного органа – Интернациональной (Бернской) социалистической комиссии.

Однако после перехода Бернской комиссии под контроль шведских социалистов В.И.Ленин, отказывающийся от участия в III (Стокгольмской) конференции Циммервальдской левой группы, окончательно порывает со структурами распадающегося II Интернационала.

Рассматривая Россию “слабым звеном” империализма, он определяет ее “опорной” страной коммунистического глобального проекта и переводит данный вывод из теоретической плоскости в практическую, формируя соответствующую политическую стратегию, известную под названием “*ленинского плана социалистической революции*”.

После Октябрьской революции берется курс на формирование уже под руководством российских большевиков самостоятельного коммунистического интернационала, ставящего вопрос о решительном отказе от названий “социал-демократических” и “социалистических” партий и о наименовании их “коммунистическими”.

Провозглашаются три основных условия членства в таком интернационале:

- размежевание с социалистами – сторонниками “буржуазных правительств” в Первой мировой войне;
- поддержка социалистической революции и диктатуры пролетариата;
- отказ от ограничений советской власти “буржуазным парламентаризмом”⁹.

Сталин, “ленинская гвардия” и “мировая революция”

После победы Октябрьской революции Ленин, не отказываясь от курса на “мировую революцию”, начиная с X съезда РКП(б), все активнее продвигает идею экономической реформы, означающий отказ от провалившегося “военного коммунизма”. Советы и НЭП, как указывает многими исследователями, – не что иное, как первые шаги по пути практической реализации курса на “строительство социализма в отдельно взятой стране”. В рамках разрешения, связанного с этим противоречием, Ленин, с одной стороны, требует подчинения классовой борьбы пролетариата внутри страны его международным задачам и видит в Советской России, а затем в СССР модель будущей “Всемирной Республики Советов”, а другой – им признается существование де-факто диктатуры пролетариата в одной стране¹⁰.

В отличие от Ленина, Троцкий и другие сторонники “мировой революции” в руководстве РКП(б) – Г.Е.Зиновьев, Н.И.Бухарин, М.Н.Покровский, М.Н.Тухачевский, Н.Н.Крестинский, А.В.Луначарский и др. – не только считают социалистическое строительство в стране невозможным без победы “мировой революции”, но и не рассматривают Россию самостоятельным субъектом мировой политики. Любые отклонения от курса на “мировую революцию” ими характеризуются как оппортунизм и предательство интересов мирового пролетариата¹¹.

После Ленина дискусионность сроков “мировой революции” трансформируется в формирование альтернативной концепции “строительства социализма в отдельно взятой стране”, впервые упомянутой А.И.Рыковым еще в 1918 г. и сформулированной в 1924–1925 гг. в качестве “генеральной линии” уже И.В. Сталиным. В соответ-

ствии с этой концепцией, социалистическое строительство в СССР отделяется от “мировой революции”; последней отводится роль фактического обслуживания национальных интересов СССР. Уже на XII съезде (апрель 1923 г.) Сталин ясно подчеркивает тщетность надежд на “мировую революцию” на примере того, что Германия или даже Польша никогда не войдут в советскую федерацию наравне, например, с Украиной¹².

Начавшись в сфере идеологии, замещающей религию в духовно-культурном генезисе российской цивилизации, преобразование коммунистического проекта, *во-первых*, не могло не превратиться в объект ожесточенной идейно-политической борьбы; *во-вторых*, оно не могло не распространиться на РКП(б) и Советское правительство, а также на Коминтерн.

“Политическое завещание” Ленина, его последние работы (кооперативный план, реорганизация рабоче-крестьянской инспекции) ориентируются на укрепление и слияние партийных органов с контрольными в противовес государству, то есть на действия в рамках социально-классовой парадигмы. И.В.Сталин, поставивший в центр концепции “строительства социализма в отдельно взятой стране” план индустриализации, напротив, берет курс на усиление не партии, а государства, то есть, действует в русле цивилизационной парадигмы, что следует из целого ряда соответствующих партийно-государственных решений.

Так, в течение 1934–1940 гг. вводится преподавание истории (с отказом от “классовой” школы Покровского), столица УССР переносится из Харькова в Киев, а президиум АН СССР – в Москву; одновременно ликвидируется конкурирующая Коммунистическая академия, упраздняется

Реввоенсовет, Наркомат по военным и морским делам переименовывается в Наркомат обороны, а Штаб РККА – в Генеральный штаб, упраздняется институт военных комиссаров, вводятся высшее почетное звание “Герой Советского Союза” и персональные воинские звания и т.д.¹³.

Аналогичные процессы, начиная с обновления в 1934 г. руководства и принятием в 1935 г. VII Конгрессом новой программы, протекают и в Коминтерне, завершаясь в 1943 г. его роспуском.

В целом, борьба между космополитической (иллюминатской) и глобально-проектной (традиционалистской) тенденциями в советском руководстве продолжается все 20-е и начало 30-х годов, завершаясь в 1934–1936 гг. XVII съездом ВКП(б) и конституционной реформой.

Решения съезда ставят в перечне партийных задач отстаивание национальной безопасности выше принципов пролетарской солидарности и связанных с ними идей “мировой революции”.

Коммунистическая форма – традиционалистское содержание

Дискуссия вокруг содержания советского глобального проекта, продолжавшаяся на протяжении “перестройки” и в постсоветское время, как правило, сводится к соотношению курсов В.И.Ленина и И.В.Сталина.

Одна из представленных точек зрения, апеллирующая к решениям XX съезда КПСС (1956 г.), их противопоставляет, считая сталинизм искажением ленинизма. В качестве аргументов обычно приводятся замена НЭПа индустриализацией и коллективизацией, ликвидация “ленинской гвардии”, упразднение Коминтерна и т.д.

Другая точка зрения, более глубокая, во многом преемственная взглядам Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, Г.П.Федотова, евразийцев, к которой, вместе с А.С.Панариным, Н.А.Нарочницкой и

Новая Конституция де-юре ликвидирует советскую власть в ее первоначальном смысле, заменяя многоступенчатую выборность представительных органов от предприятий их избранием по территориальному признаку.

Соответственно, автор рассматривает борьбу с левым и правым “уклонами”, а также репрессивные кампании 30-х годов, направленные на кардинальное обновление партийно-государственной элиты, отражением внутривнутриполитической борьбы.

Массовые репрессии 1937–1938 гг., как убедительно, на наш взгляд, доказывает Ю.Н.Жуковым и рядом других видных историков, имеют несколько иную природу и, как бы ни хотелось противоположного некоторым современным “интеллектуалам” западного пошиба, объективно направляются, скорее, на подрыв власти Сталина, чем на ее укрепление¹⁴.

другими мыслителями и учеными, склоняется и автор, рассматривает обоих советских вождей в контексте исторической преемственности.

Советский проект видится как продукт глубокой, в том числе концептуальной, традиционалистской трансформации коммунизма, нашедшей отражение в теории и практике государственного строительства в СССР (а впоследствии и в КНР). При этом отмечается, что Сталин пошел по этому пути намного дальше Ленина, а сам советский проект без традиционалистского преобразования не имел шансов быть реализованным ни как глобальный, ни как альтернативный Западу.

Получается, что *первая* из упомянутых позиций требует либо ортодоксально-идеологического единства формы и

содержания – государства диктатуры пролетариата как “площадки” “мировой революции”, формирующей единую мировую коммунистическую общность, либо реставрации разрушительного “февральского” режима Временного правительства, облакаемой во внешне благопристойную, но абстрактно-схематическую и потому не реализуемую форму социалистического блока и “единого социалистического правительства”.

Вторая, в отличие от первой, признает лишь коммунистическую форму, не только выхолащивая содержание (идею “мировой революции”), но и, по сути, заменяя его национально-государственным.

Таким образом, генезис советского глобального проекта выглядит как очередное доминирование различных фаз, представляющих собой соответствующие этапы: от Октябрьского переворота к “военному коммунизму”; от него – к ленинскому НЭП, а от НЭП – к сталинской модернизации: коммунистической по форме, традиционалистской по содержанию.

Общий вектор коммунизма в сторону традиционализации побуждает обратить внимание на ряд особенностей внутривластной борьбы в преддверие, в момент и после взятия большевиками власти.

Во-первых, решение взять власть с опорой на II Всероссийский съезд Советов, без проблем легитимировав, таким образом, первые декреты советской власти, принадлежит не Ленину, требовавшему восстания уже с конца сентября 1917 г. (называвшему его отсрочку до съезда “идиотизмом”), а Троцкому. Причем, в начале октября Ленин, протестуя против отсутствия реакции на его письма по поводу безотлагательного проведения восстания, пишет о готовности подать в отставку из ЦК, оставляя за собой право “свободной агитации

в низах и на съезде партии”. Преодолеть замалчивание ЦК своих обращений Ленину, как указывает историк А.Рабинович (со ссылкой на М.И.Ладиса), удается благодаря Петроградскому комитету партии: с одной стороны, добившись решения о восстании, которое, как показывает Е.Г.Плимак, впоследствии затягивается Троцким до 24–26 октября, Ленин будто бы исчерпывает конфликт в ЦК, а с другой – появляется новый конфликт: Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев, не соглашаясь с этим решением, обнародуют план восстания, но, несмотря на требования Ленина об их исключении из партии, остаются в составе ЦК¹⁵.

Во-вторых, в преддверие и непосредственно во время Октябрьского переворота между Лениным и Троцким наблюдается скрытая борьба за власть, которая в ряде случаев балансирует на грани перехода в явную форму. Так, сразу же после решения политбюро ЦК РСДРП(б) о восстании (10 октября) руководством военного отдела Петроградского совета, а также его солдатской секции (11–13 октября) принимается решение о создании при возглавляемом Троцким Петросовете Военно-революционного комитета (ВРК), которое 16 октября утверждается пленумом Петросовета.

Как подчеркивается Рабиновичем, партия большевиков не принимает участия в деятельности ВРК вплоть до 15–16 октября, когда данный вопрос рассматривается сначала поддерживающим Ленина Петроградским комитетом РСДРП(б), требующим “уточнения статуса ВРК”, а затем ЦК, формирующим для участия в ВРК большевистский Военно-революционный центр (ВРЦ) в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. (Троцкий и его сторонники, как видим, в этом списке отсутствуют).

После этого ВРК, несмотря на крайнюю остроту момента, оттягивает организационное заседание до 20 октября, на котором формирует бюро из 5 членов, включая близкого к Троцкому Антонова-Овсеенко; причем, ни он, ни два других избранных в его состав большевиков (Подвойский и Садовский), в свою очередь, не входят в большевистский ВРЦ. Первый официальный документ, подтверждающий совершение революции, датированный 25 октября, появляется за подписью ВРК, что выглядит претензией на власть Троцкого, признающего впоследствии, что он “явно забегает вперед”, но оправдывающегося историческим значением данного момента. Заметим, что при этом действует запрет ЦК на появление в Смольном Ленина, который он в сложившейся ситуации по вполне понятным причинам игнорирует.

В ночь с 25 на 26 октября появляется написанное Лениным Воззвание II съезда Советов, в соответствии с которым власть из рук ВРК передается Советам. Съездом избираются Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов и Советское правительство – Совет народных комиссаров, главой которого утверждается Ленин, а Народным комиссаром иностранных дел – Троцкий.

Таким образом, под угрозой утраты завоеванной власти между двумя вождями Октябрьской революции заключается своеобразное “перемирие”, условия которого, по-видимому, все-таки диктуются Лениным. В резолюциях и обращении ЦК РСДРП(б) к членам партии и трудящимся классам подчеркивается, что большинство большевиков на съезде Советов дает им безоговорочное право не только на формирование Советского правительства, но и на непризнание любого иного правительства¹⁶.

В-третьих, “перемирие” между двумя лидерами продолжается вплоть до

нарушившего его противостояния по вопросу о Брестском мире (февраль – март 1918 г.), борьба вокруг которого уходит корнями в ряд важных событий, связанных с Февральской революцией.

Так, Ленин, возвращаясь весной 1917 г. в Россию из Швейцарии через Германию и Швецию, в специальном коммюнике подвергает весьма показательной, на наш взгляд, критике английские власти: “Англия, официально с “радостью в сердце” приветствовавшая русскую революцию, сделала все, чтобы тотчас свести на нет один из результатов революции – политическую амнистию. Английское правительство не пропускает в Россию живущих за границей русских революционеров, которые выступают против войны”¹⁷.

Таким образом, с одной стороны, сам факт проезда Ленина через территорию воюющей с Россией Германии, ставящий его в определенную зависимость от германского правительства, вызван противодействием Антанты. Достоверная информация о том, чем оно вызвано, отсутствует, но, как представляется автору, причинами вполне могут служить упомянутый ленинский план социалистической революции, заявляющий о коммунизме как глобальном проекте, альтернативном либеральному (империалистическому), а также поддержка Антантой Троцкого. С другой стороны, Германия, заинтересованная в дестабилизации России как военного противника, поддерживает не только Ленина, а все силы, оппозиционные самодержавию, и, в первую очередь, сепаратистские настроения в национальных окраинах. Ряд немецких банкиров целенаправленно финансируют разложение русской армии любыми возможными средствами. И стоит большевикам прийти к власти, как на переговорах в Брест-Литовске Германия переходит на позиции нацио-

нальных интересов, отвергая любые попытки советской делегации апеллировать к принципам.

В то же время, Троцкий, с 1913 г. входящий в группу меньшевиков-межрайонцев, приезжает в Россию из США (где находится с 1916 г.); арест его по пути в Европу англичанами, как и освобождение, осуществленное по личному ходатайству президента США В.Вильсона, а также присоединение в августе 1917 г. к большевикам, по мнению О.Ф.Соловьева, вполне походят на операцию внедрения в руководство РСДРП(б) “некоей тайной группировкой мирового капитала”, представителем которой можно считать Парвуса.

Введение Троцкого в Петроградский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов осуществляется при содействии видного меньшевика Чхеидзе. В Совете Троцкий сближается с дрейфующими в сторону большевиков Антоновым-Овсенко, Луначарским, Урицким, Володарским и др. По сведениям этих источников, сближение с Лениным Троцкий осуществляет через своего родственника Каменева. Ряд историков, отмечая “глубокое впечатление, произведенное на Троцкого достижениями и социальными порядками в Америке”, фактически подтверждают сведения о поддержке его возвышения финансовыми группами Я.Шиффа и П.Варбурга, тесно связанными с банком “Кун, Леб и Ко” – одним из входивших в Федеральную резервную систему США. Через этот банк Троцким устанавливаются связи с европейскими банкирами Гуггенгеймом, Хенауэром, Брайтунгом, Ашбергом, принимающими участие в финансировании Октябрьской революции с расчетом на то, что новым лидером России станет именно Троцкий¹⁸.

Известный советский историк Л.М.Спирин, ставя вопрос о причинах присоединения Троцкого к большеви-

кам, признает, что советская историческая наука его обходит; но при этом сам ограничивается лишь поверхностной попыткой объяснить это остротой классовых и партийных противоречий, создававшей ему простор для деятельности, не раскрывая сути внутренней борьбы в большевистском ЦК.

Между тем, У.Черчилль, британский генерал Пуль, историки Э.Керр и З.А.Б.Земан, Р.Баландин, С.Мионов и другие авторы указывают, что Троцкий в этот период практически открыто действует в интересах западных союзников: поддерживает высадку англичан в Архангельске, а в ходе брест-литовских переговоров требует от немецкой делегации не перебрасывать войска с восточного на западный фронт. Кроме того, в конце марта 1918 г., то есть, уже после заключения Брестского мира, Троцкий неофициально заявляет британскому посланнику Б.Локкарту о согласии пропустить для борьбы с Германией через территорию России японские войска. Отдельно следует упомянуть об использовании Брестского мира Антантой для содействия подъему и консолидации белого движения¹⁹.

Из всего этого, по мнению автора, может следовать, что и Ленин, и Троцкий сохраняли определенный круг обязательств по отношению к Германии и Антанте, которые конкурировали за лидерство в западной проектной преемственности. Не исключено, что Брестский мир Ленину требуется не только для спасения революции, но и для облегчения положения немцев на западном фронте. Троцкий же провоцирует продолжение войны с Германией для встраивания Советской России в западный проект Лиги Наций. (По мнению У.Черчилля, борьба с большевизмом могла быть эффективной либо с привлечением побежденной Германии, либо, наоборот, в общих рамках Пер-

вой мировой войны, через восстановление антигерманского фронта²⁰).

Таким образом, борьба Ленина и Троцкого вокруг Брестского мира, по-видимому, – следствие их внешней зависимости. Однако поражение Германии в Первой мировой войне, как представляется, резко меняет ситуацию. Оно не только снимает обязательства Ленина перед немцами, что является главной причиной безотлагательной денонсации Брест-Литовского мирного договора, но и позволяет ему рассматривать Германию уже в контексте “мировой революции” – объектом революционной экспансии. (Победа социалистической рево-

люции в Германии приравнивается им к 30–40% “мировой революции”).

Обязательства же Троцкого перед англосаксонским Западом, наоборот, не только сохраняются, но и ввиду его победы над Германией, усиливаются. Освобождение Ленина от внешней зависимости резко ограничивает британско-американское влияние на Россию.

Окончательная несостоятельность планов Антанты демонстрируется крахом Учредительного Собрания, обусловленного комплексом факторов, включая конкуренцию кадетов, меньшевиков, эсеров за использование этого органа в собственных интересах.

Подведем краткие итоги.

1. Идеологический генезис коммунизма, отличающий его от других глобальных проектов, имеющих неизменную цивилизационную привязку, позволяет ему адаптироваться к идее (системе ценностей) практически любой цивилизации. Однако замещение собственной проектной идеи “опорной” страны коммунистической происходит лишь частично, в пределах, не вступающих в длительное противостояние с базовой цивилизационной системой ценностей.

Эволюция коммунизма в СССР, обусловившая формирование советского проекта, актуальность которого также подтверждена опытом ряда других стран, указывает на наличие определенных закономерностей интеграции коммунизма с цивилизационными проектными идеями:

Во-первых, обретение им “опорной” страны возможно либо в условиях ее пребывания либо в жестком кризисе, как произошло в России, либо, как в случае с Китаем, при нахождении собственного глобального проекта в латентной форме.

Во-вторых, если удержание коммунизмом власти в ближайшей постреволюционной перспективе обусловлено подавлением цивилизационной проектной идеи, то в среднесрочной перспективе оно уже связывается с традиционализацией – частичной реставрацией его нормы (системы смыслов). Обеспечивая переформулирование собственно коммунистического проекта в национально-коммунистический (советский, китайский и т.д.), она, с другой стороны, адаптирует идею к созданию технологического общества. Отсутствие или задержка традиционализации угрожает полным разрушением цивилизационной идентичности.

2. В России традиционализация коммунистического проекта сочетает программно-идеологический космополитизм с формированием представлений об осуществлении модернизации (социалистической революции, строительства социализма) в отдельно взятой стране. Благодаря этому, Октябрьская революция 1917 г. не только вытесняет и замещает влияние Запада и прозападных, коллаборационистских сил, тесно связанных с масонством, но и обеспечивает воссоздание единой государственности. Тем самым решается проектная задача, оказавшаяся не по силам ни одному из существовавших в стране органов власти, политических институтов, партий, а также вооруженных формирований.

Как справедливо указывали П.Н.Савицкий, Н.В.Устрялов и другие евразийцы, русская революция покончила с Россией как частью Европы, ниспровергнув устоявший формально-демократической государственности, стержнем которой, добавим, выступает скрепленный по масонским технологиям “широкий” либерально-социалистический спектр, представленный вторым, третьим и четвертым Временными правительствами и лично их главой А.Ф.Керенским²¹.

Истинное всемирно-историческое значение Октября, следовательно, проявляется в способности разорвать с первоначальным масонским замыслом, направив выделенную революцией разрушительную энергию в русло решения созидательных задач и, прежде всего, в сфере государственного строительства.

3. Наличие или отсутствие у коммунизма стратегической перспективы остается не доказанным ни теоретически, ни практически.

Современные рациональные (западные) общества, не адаптированные к социально-классовому подходу в условиях глобализации, но воспринимающие мировое развитие через призму свойственного марксизму экономического и формационного детерминизма, соединяясь с глобализацией, оставляют коммунизму только одну возможность, предусмотренную рядом неомарксистских концепций: революционное изменение всей парадигмы глобального развития. Следует предположить, что формирование проектного центра в этом случае произошло бы не в западной цивилизации (и, тем более, не в англосаксонском глобальном центре), а на периферии, то есть, вне рамок современного Запада.

4. Проектный подход не только указывает на бессмысленность идеологических нападок на Октябрь, но и четко разводит его с Февральской революцией, справедливо возлагая на нее основную ответственность за пережитую страной катастрофу. Из этого, на наш взгляд, автоматически следует невозможность восстановления “магистральной” проектной преемственности, как и любых попыток формирования нового глобального проекта на отрицании как Октября и советского периода, так и их генетической связи с имперским и евразийским наследством России.

Примечания

¹ Хазин М.Л., Гавриленков С.И. О глобальных проектах. Доклад на конференции ВСЭИ // http://worldcrisis.ru/crisis/132450?PARENT_RUBR=wc_glpr; Коллонтай М.В. Глобальные проекты и национальные интересы // http://worldcrisis.ru/crisis/215410?PARENT_RUBR=wc_glpr.

² Янов А.Л. Фрэнсис Фукуяма против Джорджа Буша // http://worldcrisis.ru/crisis/198491?PARENT_RUBR=wc_glpr.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сб. М. – СПб., 1996. С. 56, 105–114.

⁴ Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. II. С. 323–324.

⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 28. С. 635–638; *Chevallier P.* Histoire de la franc-maçonnerie française. Paris, 1975. P. 339; Декларация Коммуны к французскому народу // Антология мировой политической мысли / Под ред. Семигина Г.Ю. В 5-ти т. // М.: Мысль, 1997. Т. V. С. 147–149; К масонам всех ритуалов и всех степеней. Воззвание // *Journal officiel de Republique française.* 1871. 24, 27 mai.

⁶ Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому, 12 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 297; Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 33. С. 36–56, 378–379.

- ⁷ *Энгельс Ф.* Письмо К. Каутскому от 7 сентября 1882 г. Соч. Т. 35. С. 219; *Бернштейн Э.* Возможен ли научный социализм? М., 1991; *Плеханов Г.В.* Легальные рабочие организации и РСДРП // Дневник социал-демократа. 1911. № 11.
- ⁸ Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. *Аверьянова Ю.И.* М.: МГУ, 1993. С. 154; *Гизе А.* Вольные каменщики // М.: изд. А. Жигульского, 2006. С. 49; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 739.
- ⁹ *Ленин В.И.* Письмо Г.В.Чечерину (27 или 28 декабря 1918 г.). Собр. соч. Т. 50. С. 227–230.
- ¹⁰ *Ленин В.И.* Польский фронт и наши задачи. Тезисы ЦК РКП(б) от 23 мая 1920 г. // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 71–92, 290–293.
- ¹¹ *Троцкий Л.Д.* Программа мира. Пг. Т. III. Ч. I. С. 90; *Зиновьев Г.Е.* Выступление на V Всемирном конгрессе Коминтерна. Стенограф. отчет // М.-Л., 1925. Ч. I. С. 9; *Луначарский А.В.* Просвещение и революция // Сб. статей. М., 1926. С. 94–96.
- ¹² *Сталин И.В.* Об основах ленинизма. 2-е изд. Собр. соч. М.: Госполитиздат, 1949–1952. Т. 6. С. 107.
- ¹³ Конституция СССР. М.: Политиздат, 1975; *Сталин И.В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Собр. соч. Т. 13. С. 282–306; Постановление ЦК ВКП(б) о создании Комитета обороны СССР // КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 387.
- ¹⁴ *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. М.: Вагриус, 2005. С. 99–102, 176, 179–183, 269.
- ¹⁵ *Ленин В.И.* Большевики должны взять власть. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239–241; Он же. Кризис назрел. Там же. С. 272–283; Он же. Письмо в ЦК РСДРП(б) // Там же. С. 423–427; *Камнев Л.Б.* О выступлении // Новая жизнь. 1917. № 156. 18 октября; *Плимак Е.Г.* Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М.: Весь мир, 2004. С. 151; *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде. М.: Весь мир, 2003. С. 247.
- ¹⁶ К гражданам России. Обращение // КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 519; Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России. Воззвание ЦК РСДРП(б). // Там же. Т. 2. С. 12–15; Постановление II Всероссийского съезда Советов об образовании рабочего и крестьянского правительства. Цит. по: *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч., Т. 35. С. 28–29; *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 203.
- ¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. Т. 31. С. 487.
- ¹⁸ *Соловьев О.Ф.* Российские масоны от Романовых до Березовского. М.: ЭКСМО, 2004. С. 9, 253–254, 264–265; *Латыпов Р.* Троцкий, Кейнс и новый курс Рузвельта // <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200004003>.
- ¹⁹ *Спирин Л.М.* Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. С. 195–196; *Черчилль У.* Мировой кризис. М.: ЭКСМО, 2004. С. 88, 140–143, 148; *Баландин Р., Миронов С.* Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М.: Вече, 2003. С. 27–28; *Локкарт Б.* История изнутри. М., 1991. С. 235.
- ²⁰ *Черчилль У.* Мировой кризис. М.: ЭКСМО, 2004. С. 327–328.
- ²¹ *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. Сб. статей. М.: Аграф, 1997. С. 101; *Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. М.: Алгоритм, 2003. 398.